Территория памяти

Евгений СТЕПАНОВ

ОДНАЖДЫ В ПИТЕРЕ

Заметки о санкт-петербургских писателях, и не только о них[1]

ПУШКИН

Пушкин всегда актуален.
Вот он пишет в 1828 году:

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Ну разве что-то изменилось?
А впрочем, изменилось.
Не исключаю, что сейчас Александр Сергеевич написал бы вместо слова «раб» слово «вор».

ЛЕРМОНТОВ

Гениальный Лермонтов написал в 1840 году стихотворение «Журналист, читатель и писатель». По-моему, все актуально до сих пор. Вот только один фрагмент:

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатался в журналах «Нева», «Звезда», «Знамя», «Дружба народов», «Урал», «Арион», «Юность», «Волга» и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Живет в Москве и поселке Быково (Московская область). Главный редактор журнала поэзии «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига и премии журнала «Нева».

[1] Из книги «Люди истории. Истории людей».

Писатель

О чем писать? — восток и юг
Давно описаны, воспеты;
Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою,
Взывали, с тайною мольбою,
К N. N., неведомой красе, —
И страшно надоели все.

Читатель

И я скажу — нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть ваш журнал
(Он мне уж руки обломал):
— Во-первых: серая бумага!
Она, быть может, и чиста;
Да как-то страшно без перчаток!
Читаешь — сотни опечаток!
Стихи — такая пустота:
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом — сказать ли по секрету?
И в рифмах часто недочёт.

ЖУКОВСКИЙ

Василий Жуковский — один из моих любимых поэтов. Вот, например, один из его шедевров, который написан более двухсот лет назад. Какое здесь единение формы и содержания, какая глубина чувств! Уровень — непревзойденный, на мой взгляд, до сих пор.

К НЕЙ

Имя где для тебя?
Не сильно смертных искусство
Выразить прелесть твою!

Лиры нет для тебя!
Что песни? Отзыв неверный
Поздней молвы об тебе!

Если б сердце могло быть
Им слышно, каждое чувство
Было бы гимном тебе!

Прелесть жизни твоей,
Сей образ чистый, священный, —
В сердце — как тайну ношу.

Я могу лишь любить,
Сказать же, как ты любима,
Может лишь вечность одна!

1810 или 1811

(Стихотворение из книги: В. А. Жуковский, Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1958. С. 113. — (Библиотека поэта).)

КЮХЕЛЬБЕКЕР

Хочу напомнить читателям стихотворение Вильгельма Кюхельбекера, которое он написал примерно 200 лет назад.

ПЕСНЯ ДОРОЖНАЯ

Без лишних денег, без забот,
Окрылены мечтою,
Мы, юноши, идем вперед,
Мы радостны душою.

Нас в тихий сумрак манит лес,
В объятия прохлады!
Для нас прелестен свод небес,
Нас призывают грады;

Для нас, журча, бегут ручьи
Под темными древами,
Нас, нас зовут в свои струи
И блещут меж цветами.

Для нас поет пернатых глас,
Шумят и шепчут рощи,
Светило дня блестит для нас,
Для нас светила нощи!

И грусть не смеет омрачать
Невинных наслаждений:
Ее от сердца отогнать
Нам послан дружбы Гений!

Его священная рука
Мои отерла слезы;
И спит в моей груди тоска;
И вновь цветут мне розы!

Конец 1810-х или начало 1820-х годов

...По сути, современная поэзия мало чем отличается от поэзии XIX века. Те же метры (четырехстопный ямб во главе угла), те же темы (природа, дружба, тоска...), те же рифмы (забот—вперед; лес—небес, слезы—розы...) и т. д.

Я люблю читать поэтов пушкинской плеяды. Они для меня всегда современны. И всегда поучительны.

МАНДЕЛЬШТАМ

I

Бессоница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи —
На головах царей божественная пена —
Куда плывете вы? Когда бы не Элена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море и Гомер — все движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

1915

Это знаменитое (великое!) стихотворение О. Мандельштама написано в 1915 году, более ста лет назад.

Сколько потом появилось подражателей, так называемых постакмеистов! А никто из них так и не приблизился к божественной (сложнейшей!) простоте Осипа Эмильевича.

II

Приехал в Воронеж. Начал спрашивать у прохожих, где жил Мандельштам. Никто не знает. Вечером выглянул из окна дома, где остановился, и на соседнем здании увидел мемориальную табличку: здесь в 1936 году жил поэт Осип Мандельштам.

III

АЛЛЮЗИЯ: МАНДЕЛЬШТАМ

Нужно пытаться писать такие стихи, чтобы их было трудно (а лучше — невозможно!) напечатать. То, что напечатано, то разрешено. А значит, это уже умеренность. А поэзия и умеренность — это антонимы.

ЗОЩЕНКО

М. Зощенко говорил:

«Человек хорош в хороших условиях. Плох — в плохих. И ужасен — в ужасных». Это правда.

Но я встречал людей, которые вели себя ужасно в хороших условиях. И встречал людей, которые вели себя хорошо — в ужасных условиях.

И это правда.

ПЕТЕРБУРГ АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО

«Хождение по мукам» — абсолютно невероятный фильм. Чистой воды антисоветчина. Как это могло выйти на экраны в советское время — непонятно.

Что показывает режиссер Ордынский?

Величественную, богатейшую, культурную довоенную, дореволюционную Россию. Изысканных (за редким исключением) русских аристократов, болезненно-неприятных горлопанов-революционеров, картавого Ленина...

Нет, это уму непостижимо.

А какие типажи!

Прекрасная Катя. Умная, сострадательная, не приспособленная к жизни, утонченная. Иконописно красивая несчастная идиотка Даша (прав Бессонов).

Блаженный Телегин.

Безответственный и пафосный истерик Рощин.

Обаятельный говорун Николай Иванович.

Мудрый отец Даши и Кати.

И — Петербург, Петербург. Главный герой романа. Кусочек рая в аду. Кусочек ада в раю. Потусторонний город.

ЧУКОВСКИЙ

Смотрел на телеканале «Культура» передачу про К. И. Чуковского. Человек, который всю жизнь веселил-радовал детей своими стихами, прожил, оказывается, такую трагическую жизнь. Хоронил своих детей, голодал, долгое время был неустроен, гоним. Очень тяжелый фильм. Великий человек.

ЛИХАЧЕВ

Академика Лихачева спросили:

— Что самое страшное в жизни?

— Голод и холод.

ЗАБОЛОЦКИЙ

Заболоцкий — своими «Столбцами» — дал технологию стиха целой армии современных стихотворцев, многие из которых даже стали широко известными. И почему-то не вспоминают своего учителя.

Я — вспоминаю.

ЦИТАТА ИЗ ПИСЬМА ХАРМСА И ВВЕДЕНСКОГО (1926 г.)

«Мы оба являемся единственными левыми поэтами Петрограда, причем не имеем возможности здесь печататься».

...Я думаю, что и сейчас им было бы трудно печататься.

ГРАНИН

«Знаешь, что опасней дурака? Дурак с инициативой!»
(Д. Гранин. «Иду на грозу»)

БРОДСКИЙ. ОБОЛДУЕВ. ВЫСОЦКИЙ...

Был на вечере одного хорошего поэта, успешно печатающегося многие годы в традиционных толстых журналах. Отвечая на вопросы публики, он, в частности, сказал:

— Неподцензурная поэзия советской эпохи не открыла ни одного имени. Показать, оказалось, нечего.

И зал зааплодировал.

Я растерялся. Как на это реагировать? Я-то думаю совсем иначе.

Ведь и Бродский, и Оболдуев, и Высоцкий — это неподцензурные поэты советской эпохи.

В общем, все очень странно.

КРИВУЛИН

Я думаю, что талант Виктора Кривулина сопоставим с талантом Иосифа Бродского. Но у Бродского был пиар, а у Кривулина не было. И вот результаты...

ДОВЛАТОВ. СЕДЫХ

Помню, был в Нью-Йорке в гостях у Лены Довлатовой и Норы Сергеевны Довлатовой (мамы Сергея Донатовича).

Лена рассказала, что Довлатов их таксу Яшку любовно называл Яковом Моисеевичем. Настоящий Яков Моисеевич (Андрей Седых) об этом знал, но ничуть не обижался. Однако рекламу еженедельника «Новый американец» (который редактировал Довлатов) печатать в своей газете «Новое русское слово» отказывался категорически.

КУЗЬМИНСКИЙ. ДОВЛАТОВА

1993 год. Нью-Йорк. Я заехал на Брайтон в гости к Константину К. Кузьминскому, с которым тогда дружил. Он говорит:

— Женя, вы общаетесь с Довлатовыми. Скажите им, что я Сережку не спаивал. Пусть они на меня зуб не точат.

Я сказал об этом Лене Довлатовой. Она как-то грустно улыбнулась.

ДОВЛАТОВ. САЛКАЗАНОВА

Более тридцати лет назад, когда мы с моей женой Наташей Лихтенфельд жили в райцентре в Тамбовской области и работали учителями, мы по вечерам слушали Радио Свобода. Особенно мы заслушивались двумя великолепными авторами — Сергеем Довлатовым («Ремесло») и Фатимой Салказановой (передача «Поверх барьеров»). А потом, спустя годы, Лена Довлатова (вдова писателя) подарила мне в Нью-Йорке компьютер Сергея Донатовича. А замечательная Фатима Салказанова, кото-

рая тоже, увы, уже ушла из жизни, часто комментировала мои записи в фейсбуке. Это все для меня какая-то невероятная фантасмогория! Вообще, в жизни множество чудес и щедрости Провидения. А шарик земной, конечно, крошечный.

ДОВЛАТОВА

Нью-Йорк. 90-е. Помню, поднимались на лифте вместе с Леной Довлатовой. Ехали к ней в гости. С нами оказалась какая-то американо-еврейская семья. Маленький непосредственный мальчик спросил, глядя на нас:

— Are you brother and sister? (Вы брат и сестра?)

Мы улыбнулись, ответили, что нет. Хотя чисто внешне мы действительно похожи. Вспомнил об этом забавном нью-йоркском эпизоде не случайно. Когда я выпустил книжку своих рассказов, многие мои приятели сказали, что я нахожусь под влиянием творчества С. Довлатова. Это правда. Но это неполная правда. Дело в том, что на самом деле не меньшее влияние на меня оказали В. Вересаев и Б. Ямпольский, Н. Тэффи и Ф. Искандер и многие другие прекрасные писатели, которым я, конечно, не чета. Но права считать их своими учителями у меня не отберет никто.

КУШНЕР

21.05.2013 был на презентации премии «Поэт».

Замечательно выступил А. С. Кушнер.

Он очень обрадовался, что премию получил Е. А. Евтушенко.

— Стыдно, — сказал Александр Семенович, — что Евгений Евтушенко не получил эту премию раньше. Стыдно, что премию «Поэт» не успели получить Андрей Вознесенский и Белла Ахмадулина.

Стыдно.

СОСНОРА

Однажды я понял, какие хочу писать стихи. А потом в сотый раз перечитал Соснору и понял, что опоздал... Уже все написано.

ГРИЦМАН. ХВОСТЕНКО

Прочитал очень интересную книгу Андрея Грицмана «Поэт и город», которую он мне подарил в 2016 году в Нью-Йорке. Узнал много нового и интересного. Особенно благодарен Андрею за теплые слова о гениальном Алексее Хвостенко, которого я считаю своим гуру — мы познакомились в 1991 году в Париже, в его сквате.

Питерский поэт и художник до мозга костей Хвостенко жил в Нью-Йорке несколько лет. И, конечно, изменил здесь пейзаж русской культуры.

ЛИМОНОВ. БЫКОВ. МАНДЕЛЬШТАМ

Лимонов пишет о Быкове:

«Осип Эмильевич Мандельштам, самоубийственно и упрямо читавший своим знакомым стихотворение о хозяине Кремля — „кремлевском горце“, подвергал себя страшной опасности и умер в лагере. Дима Быков поет свои веселые вирши, свои кукиши из кармана, и ни на него, ни на неприглядного артиста Ефремова власть даже не цыкнула. Быть фрондерами сегодня безопасно и прибыльно. Они ж денег заработали немало гастролями, эти куплетисты, Мандельштам заработал смерть».

Не буду комментировать.

МИШИН. КУЗЬМИНСКИЙ

Приехал из Питера замечательный поэт и художник Валера Мишин. Звонит:

— Женя, я так удивлен литературным нравам — все со всеми ругаются, обливают друг друга грязью. Ты вообще какой-то конфликтный — не ладишь с Кузьминым, Кузьминским, Очеретянским и т. д.

Отвечаю:

— Вранье, я человек мирный, спокойный, толерантный, первый ни на кого не нападаю.

Валера:

— А ты знаешь, дом Кузьминского в Штатах рекой в разливе смыло. Многие его публикации погибли. В частности, журнал «Дети Ра», где ты напечатал его поэму «Девочка из Днепропетровска». Вот он просит меня эти номера достать.

Я:

— Ничего ему не дам. Пусть сначала научится с людьми разговаривать. А то как оскорблять меня, так он первый, а теперь ему, видишь ли, журналы понадобились.

Валера:

— Но ведь он такой персонаж, его уже не изменишь. А ты человек мирный, спокойный, толерантный.

Я:

— Да, ты прав, я мирный, спокойный, толерантный.

Валера:

— Что же мне передать Кузьминскому?

Я:

— Передай ему, чтобы он пошел на...

Прошли годы. Увы, ушел из жизни замечательный поэт Константин К. Кузьминский. Мне его не хватает. Мне стыдно, что мы ругались. Недавно я написал стихотворение, ему посвященное.

ПАМЯТИ ККК

Жизнь — это микст золотого и свинского.
Память разборчива, совесть строга.
Помню веселого Костю Кузьминского.
Помню товарища — а не врага.

Помню нью-йоркские вечные сборища.
Весело было. Но глуп человек.
Что ж мы ругались, два брайтонских кореша?
Мы ведь когда-то делили ночлег.

Жизнь — это микст золотого и бренного.
Всякое было на грешном пути.
Помню поэта — поэта отменного.
Костя, я плачу. Прощай и прости.

2018

ГЛАЗУНОВ

I

Несколько лет назад (29.07.2012) я был на защите дипломов в Академии Ильи Глазунова (великого художника и гражданина, ленинградского блокадника, царство ему небесное). Вел там записи.

Защищается молодой художник.

Говорит И. С. Глазунов:

— Важно, чтобы это был не этюд, а поэзия. Как поэзия Пушкина, Фета, Тютчева... И рамы у вас плохие. Очень важно — уметь выбирать рамы.

II

И. С. Глазунов:

— Искусство — это ваше оружие. Теперь вы должны завоевывать мир. Иначе мир завоюет вас. И будете шофером такси.

III

И. С. Глазунов:

— Вам надо учиться конкурировать с фотографией.

IV

И. С. Глазунов:

— Важно уметь воздействовать на чувства людей. Тогда они будут реагировать на ваше искусство. И, может быть, купят ваши картины...

V

Обедал однажды в компании с И. С. Глазуновым. Он, конечно, был очень артистичен. Говорил то по-французски, то по-английски, то по-испански.

Спрашивал у меня, как правильно произнести отдельные французские слова. Но говорил хорошо, бойко.

У него было прекрасное чувство юмора, отличался самоиронией.

Превосходно знал историю. Имел великолепную память.

Ненавидел Ленина и Сталина.

На прощание обнял меня, поцеловал и сказал: «Слава России!»

VI

Глазунов хотел меня женить. Нашел мне невесту.

Но я отказался.

VII

Глазунов ушел. Глазунов остался.

МОГУЧИЙ

Один мой знакомый драматург спросил режиссера, художественного руководителя БДТ Андрея Могучего: «Это правда, что вы заставляете авторов переделывать пьесу пять раз?»

«Нет, это неправда, — ответил режиссер, — десять...»

ЗАХАРОВ

Несколько лет назад я был на концерте легендарного ленинградско-петербургского певца Сергея Захарова в Театре эстрады. Во время концерта прошла и презентация книги Елены Ерофеевой-Литвинской о Захарове, которую выпустило мое издательство «Вест-Консалтинг». Мне как издателю предоставили слово. Я минут семь говорил о моем замечательном товарище хорошие слова. Я всегда считал и считаю, что Сергей Захаров — национальное достояние, один из символов России. Талантливый, красивый, гонимый. Самородок. Гений. Я бы сравнил его с Сергеем Есениным, Эдуардом Стрельцовым... Сережа из той же когорты. Обо всем этом я и сказал. Да, нечастый гость Захаров сегодня на экранах нашего мракобесного ТВ, не звучат его зычные, истинно русские песни. Какие-то безголосые полудурки — теперь герои экрана. Но это пустая пена, она сойдет, и никто о ней не вспомнит. А Сережа — голосище, и талант, и легендарная личность, и его любит страна, и страшные, может быть, скажу слова, но это хорошо, что его в свое время посадили. И хорошо, что отлучали от концертов и всячески зажимали. Нет истинного художника без такой драматической — роскошной! — биографии. А у Сережи все есть. И Богом данный могучий талант, и природная красота, и смешанная кровь, и невероятная судьба, и прекрасное доброе сердце. Главное — после его песен люди становятся лучше. А все-таки в этом одно из предназначений искусства. На следующий день после этого концерта Сережа позвонил мне — мы с ним, как всегда, долго и сердечно говорили.

РОЖИН

Разговаривал лет двадцать назад с выдающимся русским архитектором, лауреатом Государственной и Ленинской премий Игорем Евгеньевичем Рожиным, царство ему небесное. Многое почерпнул из беседы. Раньше даже не знал о всех работах этого знаменитого зодчего. Оказалось, что это он — один из авторов проекта стадиона «Лужники», станции московского метро «Электрозаводская», магазина «Пионер» на Тверской, высотки в Варшаве и многих-многих других замечательных сооружений.

Игорь Евгеньевич объездил полмира. Жил подолгу в Париже, Варшаве, в других знаменитых заграничных городах.

Я спросил его:

— А какой город самый красивый, на ваш взгляд?

Архитектор, не задумываясь, ответил:

— Ленинград!

И порекомендовал мне еще раз съездить в Северную столицу, полюбоваться архитектурой величественного города.

И в самом деле, хватит искать красоту где-то на стороне, за рубежом, нужно научиться ценить то, что рядом. Наверное, это самое большое искусство.

МЕЛИХАН

Константин Мелихан в «ЛГ» (№ 40 (6387)): «Мужчина и женщина смогут долго быть вместе, если будут жить по отдельности».

Хорошо сказал.

ШЕРЕМЕТЕВА

Талантливая петербургская поэтесса Майя-Марина Шереметева пишет в фейсбуке: «Думаю, читая некоторые сочинения. Нашу цивилизацию называют обществом потребления. Но она также — общество производства, что мне еще печальнее. Бес производства заставляет всех производить и производить — стихи, статьи, предметы и т. п., как будто без этого ты никто. Даже если ты к этому не склонен (как я), обстоятельства вынуждают: к данному случаю требуется произвести речь, рецензию и т. п. Я смотрю с благодарностью на своего кота и на всех других тварей: ничего они не производят и уже тем велики! ТАК живут! Само же производство — то же потребление и истребление. Оно ведь производит не из ничего, а расходует на своей фабрике слова, мысли, всё...»

Моя вынужденная реплика:

Коты — это представители высшего разума. Люди со временем должны превратиться в котов. А пока — в обществе потребления! — превращаются в скотов.

P. S. Когда я разместил тот текст в ФБ, Майя прислала мне письмо и сообщила, что я на самом деле процитировал не ее, а Ольгу Седакову.

МИРЗАЕВ

Был в Питере. Говорили с Арсеном Мирзаевым о фестивале «Другие», который я затеял.

Арсен:

— Теперь у тебя врагов будет еще больше.

МИРЗАЕВ. ЗЕМСКИХ

Ко мне в гости приехали лет пятнадцать назад питерские поэты Арсен Мирзаев и Валера Земских. Пьем чай, разговариваем. Речь зашла об опечатках. Я похвастался, что делаю, как минимум, двенадцать корректур своих книжек.

Валера улыбнулся:

— Британскую энциклопедию вычитывали двадцать корректоров. Было сделано тридцать корректур. И все-таки опечатка просочилась. Одна. На обложке.

МИРЗАЕВ. ГРИГОРЬЕВ. ЗЕМСКИХ. БАЙТОВ

Мои друзья, питерские поэты Арсен Мирзаев, Дима Григорьев и Валера Земских проводили лет пятнадцать назад в Зверевском культурном центре выборы президентов ВАЛИ (Всемирная ассоциация любящих Изабеллу). Пока мы ждали гостей, речь зашла о бородах литераторов.

— У Арсена, — сказал Дима, — борода типично восточная, ассирийская. Ухоженная. У Коли Байтова — как у сторожа. Разухабистая. А у тебя, Женя, борода — как у нового русского. Ты и на писателя не похож.

Я даже расстроился. И с досады сказал:

— А у Валерки Земских вообще бороды нет. Только усы.

На том и успокоились.